

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Suc. 30 (B)
Correo
Argentino

FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXXVI, Buenos Aires, sábado 3 de diciembre de 1983

Буэнос Айрес, суббота 3 декабря 1983

N° 1741

МЫСЛИ ВСЛУХ

ЛЮДМИЛА КЕЛЕР

Из-под глыб

ВЕРНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ, НЕВЕРНЫЕ ВЫВОДЫ

Недавно в журнале The New York Times Magazine появилась очень интересная статья, озаглавленная “Россия: народ без героев” (1). Давид К. Шиплер был корреспондентом в Москве с 1975-го по 1979 год. На основании своих наблюдений он написал книгу “Россия: поверженные идолы, пышные мечты” — “Russia: broken idols, solemn dreams”, которая скоро выйдет из печати. Хорошо; хоть четыре года провел в стране; иные пишут и после 4-недельного пребывания. Надо сразу сказать, что многие наблюдения Д. Шиплера очень точны и своевременны. Что же касается выводов — тут можно со многим не согласиться.

После короткого лирического вступления, рисующего печальную картину осени в Москве, Шиплер переходит к анализу духовного состояния и умонастроений в стране. Тут он верно замечает, что после того как были отброшены прежние иллюзии и идолы, советское общество являет собой гораздо более сложную картину, чем это представляется извне. Он отмечает “разнообразие политической мысли”, более “творческую и правдивую активность литературы, театра и кино”, и более критическую печать. Этот отрывок заканчивается словами: “революционное горение угасло”.

Далее Шиплер говорит о потере многими русскими “веры в героев” и вообще веры — веры в идеологию, в светлое будущее. И все это — несмотря (а именно может быть из-за) жестокого нажима сверху. В результате такого разочарования многие уходят в личную жизнь, пренебрегая вездесущим коллективом, якобы определяющим социальную структуру советского общества. Другие идеализируют безвозвратно утерянное прошлое, уходившее корнями в сельскую простоту и моральную чистоту, так сказать, в поисках русскости. Тут автор добавляет, что это отнюдь не салонное любомудрствование, питающееся горсточкой московских интеллигентов. Нет, подобные настроения нарастают мощным валом напряжения и чаяний, охватывая все подсоветское общество. Д. Шиплер называет три главные силы: коммунизм, христианство и патриотизм. По его мнению, взаимодействие этих трех сил приводит к конфликтам, неясности и кризису убеждений.

(1) David K. Shipler, “Russia: a people without heroes”, The New York Times Magazine, October 16, 1983.

СИНТЕТИЧЕСКИЙ МИР

Шиплер начинает с коммунизма, символически представляемого парадом на Красной площади с дефилирующими войсками и военной техникой (включая ракетное оружие; вот куда бы отправить западных миролюбцев!). Очень впечатляюще Шиплер описывает задыхающихся членов Политбюро, подымающихся по ступенькам мавзолея. За солдатами следуют рабочие, несущие знамена с набившими оскомину лозунгами: “Мы претворяем решения 25-го съезда партии в действительность”; “Вся власть советам”; “Мы первые создали развитое социалистическое общество. Мы первые строим коммунизм!” (помню, в свое время рассказывали мне анекдот. На кирпичном заводе водрузили надпись: “Встретим решения 20-го съезда хорошим кирпичем!”). Догадливый корреспондент спрашивает: “Читает ли кто-нибудь эти лозунги? Говорят ли они что-нибудь народу? Значат ли они вообще что-нибудь?” Все это происходит, якобы, “для народа”, однако вход на парад — по билетам, а билеты раздаются тщательно отобранным “достойным”. И лозунги, и парад Шиплер определяет как “советскую фантастику особого рода”, как “синтетический мир”, создаваемый фразами, бесконечным потоком льющемся с газетных полос, из радиоприемников, со знамен и лозунгов, в виде речей и тостов. О лозунгах на зданиях, он очень остроумно замечает, что они оскверняют улицы и заводы “подобно заборным надписям, но субсидируемыми государством”. Все они вещают ту же вещь, героическую и оптимистическую, что все хорошо и будет еще лучше. В результате получается то, что Шиплер называет “коммунистическим сюрреализмом”. И он так уточняет положение подсоветского гражданина: “признаком зрелого гражданина является способность отличать настоящую правду от синтетической, расколотая пополам и оставаясь раздвоенной личностью”.

Параметры “свободы” удачно определяют Шиплером так: “журналист может рассказать анекдот о том, что коммунизм уже на горизонте, но что горизонт воображаемая линия, которая отодвигается по мере приближения, если он в то же время пишет о непоколебимом движении вперед, в утопию. Скрипачка ходит на политбеседы каждые две недели. Пока лектор талдычит о своем, она вяжет или читает; ходит же она исключительно с целью получить необ-

ходимую птичку против своей фамилии, чтобы поехать на гастроли в Западную Европу. Лингвист морщится, говоря о пыли своего партийного комитета, который организует в его районе Москвы ежегодные двухнедельные циклы лекций для населения. Он утверждает, что проводит это время за чтением научной фантастики.

Потом Шиплер описывает дискуссию в одной скромной московской квартире. Выступают две девушки: Сусанна, еврейка 19 лет, все еще верящая в коммунизм, и Мария, дочь испанского революционера, родившаяся и выросшая в Москве. На вопрос: счиает ли она себя коммунисткой подобно своему отцу, Мария отвечает: “В Испании я, вероятно, была бы коммунисткой. Но не здесь”.

О Сусанне говорится, что и ее убеждения были поверхностны, но она хваталась за них как утопающий за соломинку. Честно говоря, она не считала себя марксисткой: дело в том, что у нее не было ясного представления о том, что такое марксизм. Конечно, она могла повторить на память несколько определений, но она их плохо понимала.

Согласно Шиплеру советские интеллигенты считают, что большевики, которые сделали революцию, были людьми идеи, творческими мыслителями; это их идейность и чаяния определили поступательный ход революции. Он называет Ленина, Троцкого, Плеханова, Бухарина — все они видели свою миссию в претворении в действительность “счастливого, обетованного будущего”. Вера в идеал пережила революцию, но теперь о ней вспоминают с румянцем стыда. Социализм ведь должен был быть только переходной стадией на пути к полному исчезновению капитализма и наступлению коммунизма. Государство должно было “отмереть”, классовая борьба и рознь прекратиться, а изобилие материальных благ — привести к правильному соотношению между работой и зарплатой. По словам Шиплера, многие русские еще помнят то время, когда они верили всему этому и чаяли продвижение общества к коммунистическому расцвету. Самое воспоминание об этих радужных надеждах придает особенно горький привкус теперешнему разочарованию и отчаянию. Что-то важное умерло. Сознание, что развитие идет вперед, исчезло. Чувствуется, что страна на мели, что она застряла на стадии гигантского социализма, презрительно называемого “государственным капитализмом”.

И. А.

Эта утрата веры приводит к пустоте, к тоске. И тут начинаются поиски. И приводят они не к стремлению вперед, "к чистому марксизму", а к обращению к прошлому. В этом прошлом Шиплер называет три эпохи: страдные и славные дни Мировой войны, возвращение к четкому, суровому авторитарному строю сталинизма и, наконец, назад к этнической чистоте и благородству того, что было "русским", назад к "простоте и мифической честности русской сельской жизни, назад к русской православной Церкви".

ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ ПРАВОСЛАВИЯ

Это приводит к следующей силе — христианству. Показательно, что Шиплер не останавливается на описании состава приверженцев сталинизма, а переходит непосредственно к третьей категории, к религиозному аспекту возрождения.

Итак, христианство. Для начала Шиплер приводит пример 16-летней девушки, комсомолки, дочери члена партии, которая после школы часто заходила в церковь, ставила свечку, и молилась. Делалось это тайком от родителей и была прелесть даже в этой тайне. Так сосуществуют вера в Бога и коммунизм. Иные члены партии крестят потихоньку своих детей, а агенты КГБ проникают в среду духовенства. Все не так как кажется: есть священники, которые не верят в Бога, и есть коммунисты, которые верят.

Шиплер признается, что, чем дольше он жил в Советском Союзе, тем меньше его удивляла сила православия. Русское православие приобретает особую власть над русскими, стремящимися к всеобъемлющей идее. Это относится особенно к тем, кто в прежние лихорадочные времена был полностью захвачен верой в коммунизм, как интегральную систему, все объясняющую и все заполняющую. Итак, в пустоте, оставленной рушащимся коммунизмом, Церковь потенциально может приобрести власть. Не Церковь, как казенное учреждение, а Церковь как источник духовного возрождения. Естественно, что власти смотрят на этот процесс с опаской и стараются пресечь его.

Правда, это увлечение порой носит поверхностный характер. Иногда увлечение православием сопряжено с чисто эстетическим подходом, с желанием приобщиться к более пышным обрядам чем те, которыми располагает государство. Шиплер отмечает, что советская власть прилагает максимум усилий для того, чтобы

создать "новую социалистическую обрядность" (по выражению "Правды"). Но, несмотря на все старания, совершенно очевидно, что эти попытки обречены на неудачу. Скучная церемония регистрации браков в ЗАГС'е идет как на конвейере и привела к тому, что церковное венчание "вошло в моду". Естественно, что большинство старается держать венчание в тайне, чтобы не повредить "карьеру". Таким образом, распространенность этого явления не поддается учету, но нет сомнения, что оно широко развилось.

Шиплер правильно отмечает, что упрощенческая советская теория предсказывала естественное отмирание религии со смертью пожилых людей, выросших до революции и воспитанных в церковных традициях. Это одно из самых спорных утверждений власти. Начиная с 20-х годов говорилось о том, что храмы посещают только старухи. Сколько же им теперь должно быть лет? Больше ста, повидимому, если они выросли в церковных традициях до революции и были стары уже в 20-х годах. Это очевидная ложь. С каждым новым поколением пополняются и ряды очередных старух, посещающих церковь. И часть сегодняшней молодежи, которая, может быть, избегает слишком часто посещать храмы, опасаясь за свое положение, со временем превратится в тех старух и стариков, которые наполняют церкви. Сами власти отлично сознают шаткость ссылки на "верующих старух" и делают все, чтобы удержать молодежь от посещения храмов. Шиплер верно заметил, что в кинематографах демонстрируются заграничные фильмы как раз в Пасхальную ночь, в другое время их нигде нельзя видеть. Кроме того, комсомолы и всякие иные стражи и охранители, окружают храмы в таких случаях, не пропуская туда, в первую очередь, молодежь. Они записывают имена и молодежь, пытающуюся проникнуть на службу, ожидают неприятности в школе или на работе.

Шиплер не упустил из виду и того обстоятельства, что в то время как конституция 1918 года — разумеется, на словах — разрешала "свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды", конституция 1936 года изменила это на "свободу религиозного исповедания и антирелигиозной пропаганды". Таким образом, Церковь и верующие по закону лишены возможности проповедовать и обращаться к неверующим. Известно, что даже верующие родители опасаются говорить детям о вере, так как власть расценивает это как "религиозную пропаганду", которая противозаконна. Шиплер также правильно отмечает, что, хотя согласно советской конституции Церковь отделена от государства, на практике все вероисповедания находятся в полной зависимости от "Совета по церковным делам", председатель которого, также как четыре его заместителя, являются членами партии.

Несмотря на утверждение Шиплера, что положение православной Церкви все же лучше, чем положение баптистов, пятидесятников, адвентистов и других лютеранских сект, мы то прекрасно знаем, что это именно наша Церковь заплатила за свое существование миллионами человеческих жертв, включая тысячи ее верных пастырей; что именно православная Церковь просияла сонмом мучеников, начиная с митрополитов и кончая простыми прихожанами.

Надо отдать справедливость Шиплеру в другом: он не только упоминает о печальной судьбе о. Глеба Якунина и о. Дмитрия Дудко, но он даже познакомился с последним. Из

его разговора с о. Дмитрием для нас интересны следующие мысли: "Россия — страна христианская. Приспело время обращения к вере. Не богатые и сытые обращаются к вере, а несчастные, страдающие. Да, нас ожидают преследования и страдания, но вера победит коммунизм". Затем о. Дмитрий нарисовал мрачную картину отношений между духовенством и верующими. "Верующие избегают священников; священники в свою очередь, уклоняются от верующих. Это наше несчастье — все боятся друг друга".

ПАТРИОТИЗМ

Увы, тут Шиплер начинает сбиваться с верного пути: в основном он путает "официальный, советский патриотизм" с истинно-русским. Символом советского патриотизма является Сталинград-Волгоград и вообще памятники Второй Мировой войны. Война несомненно пробудила патристические чувства (и надежды!), но во всех этих официальных торжествах есть привкус казенщины, как например, в принудительном посещении Пискаревского кладбища в Ленинграде.

Интересно то, что, по мнению Шиплера, многие из бывших политзаключенных, осужденные за смелые выступления против несправедливости, настолько связаны с родиной, что всеми силами сопротивляются высылке за границу. Они сознают, что изгнание на Запад может обернуться блужданием в духовной пустыне. Это видно и из нежелания А. И. Солженицына покинуть Россию, в этом и частичная разгадка "покаяния" о. Дмитрия Дудко. Настоящие патриоты не хотят уезжать, их принуждают к этому. Этим Шиплер объясняет и то обстоятельство, что многие выдающиеся "сопротивленцы" в Москве, на Западе увяли. Есть, конечно, и обратные примеры — тот же Солженицын. Но тут дело также и в том, что все эти люди считают (и вероятно, не ошибаются), что они могут принести больше пользы, оставаясь на родине, несмотря на неимоверно тяжелые условия. Железный занавес пытаются вновь опустить и трудно их голосам проникнуть туда. Надо надеяться, что какие-то пути все же останутся открытыми.

Шиплер отмечает большое значение истории, настолько большое, что историю фальсифицируют. Наряду с этим он говорит о часто применяемом приеме "умолчания". По этому поводу он рассказывает московский анекдот. — "Как определить советского историка? — Это человек, который умеет предсказывать прошлое". Но сам автор отмечает, что патриотизм такого рода, взращенный на почве плохой осведомленности или незнания, едва ли окажется очень стойким. Это псевдо-патриотизм, основанный на умолчании многих фактов, и это умолчание оборачивается хрупкой, легко сокрушимой ложью.

РУССКОСТЬ

Это — самая спорная часть статьи Шиплера. Но и тут некоторые наблюдения поражают остротой и проницательностью.

Шиплер начинает с высказываний П. Палиевского, заместителя директора Института мировой литературы им. Горького, направленных против переосмысления русских классиков в новейших театральные постановках. Это, вероятно, в первую голову, направлено против талантливейшего Юрия Любимова, смело разоблачив-

шего жесткие тиски советской цензуры в своем лондонском интервью. Вместо того, чтобы охранять русских классиков от покушений модных постановщиков, Палиевский сделал бы благое дело, защитив русских классиков от "объяснений" и "кривотечий" советских литературных критиков. Сколько клеветы и небылиц изобретено ими, и какие только домыслы не появлялись в советском литературоведении насчет этих самых классиков!

Однако вернемся к статье Шиплера. Он прав, когда утверждает, что самый широкий отклик в России сегодня вызывают отнюдь не куцые коммунистические идеи и даже не диссидентские замыслы демократического толка типа Андрея Сахарова, а *русские националисты*. Он даже добавляет — "русские шовинисты". Он правильно отмечает, что русисты резко отличают "русское" от "советского", советский патриотизм от подлинно-русского. Эти русисты ищут возврата к (по мнению Шиплера идеализированным) нравственным ценностям деревни, к простой правдивости и благочестию, которые были характерны для дореволюционной деревни.

И тут расходятся наши дороги. Называя Солженицына "самым известным апостолом русскости", Шиплер утверждает, что в этом пункте скрещиваются и пересекаются самые сильные импульсы как народа, так и власти. По Шиплеру, русисты разделяют склонность к политическому единомыслию и преклонению перед сильной властью. В следующем предложении упоминается о том, что некоторые либеральные диссиденты считают русистов более опасными, чем даже коммунистов и боятся их прихода к власти. Теперь ясно, откуда ветер дует. Солженицын и его идеи видятся автору в кривом зеркале диссидентских домыслов. Хорошо еще, что он не договаривается до сравнений с Хомейни, Кадаффи и другими диктаторами. А впрочем, Солженицыну все это должно льстить: изгой, писатель лишенный своей страны и своего основного читателя, мерещится нашим отечественным либералам каким-то грозным диктатором в будущем. Да опомнитесь же, господа диссиденты, где и когда Солженицын высказывался против многообразия? Верно, он правильно рассудил, что — хорошо это или плохо — демократия не ко двору будущей России, а нужны крепкие возжи. Но от этого до приписываемых ему идей тоталитарного единомыслия — очень далеко. Все здравомыслящие люди

ОРЕЛ...

Сейчас, без малого 70 лет спустя, легко критиковать настроения Белых воинов. Нашлись даже "историки", утверждающие, что даже Троцкий заявил о том, что если бы борцы против большевизма провозгласили монархические лозунги, то советский режим рухнул бы. Откуда "историки" это взяли — уму непонятно!

Нужно было видеть в те годы настроения обманутых большевизской пропагандой народных масс, чтобы понять полную невозможность в те годы взывать к восстановлению монархии.

В. Ларионов
участник Белого движения
"Часовой" № 645,
сентябрь-октябрь 1983.

...И РЕШКА

Было пустынно. Но вдруг, я увидел старуху возле избушки, совсем вросшей в землю. Грозное выражение ее лица поразило меня. Худая, с костлявыми босыми ногами, она сидела неподвижно, неподвижно глядела ее черные глаза. И было грустно чувствовать на себе ее остановившийся взор.

Я невольно отошел назад. "Зачем царя согнали?", слышался вдруг какой-то странный голос, точно она говорила про себя, обращаясь к кому-то. "Зачем царя согнали?" — повторила она, подняв голову и прямо глядя на меня.

Н. Н. Львов
"Очерки Ледяного Похода",
Сидней, 1972.

сойдутся, вероятно, на том, что будущей России нужна крепкая власть. Да и какому государству она не нужна? Россия же "не созрела" (а, может быть, и никогда не созреет) для демократии. Тем хуже для диссидентов и демократии, особенно в понимании ее нашими доморощенными либералами, которым нетерпимости не занимать. И ведь надо принять во внимание, что Солженицын никогда не пытался навязать сильную власть западным странам. Если они счастливы со своим политическим устройством — это их дело. Только вот счастливы ли они и сколько лет еще это счастье продлится?

Хотя Шиплер и зачисляет русистов в число инакомыслящих, он, однако, считает, что сочувствующие этому направлению находятся как среди общественных партий, некоторые из которых уже отбыли тюремные сроки за свои убеждения, так и среди представителей власти. Эти "сочувствующие" на верхах определяют, какие выставки будут разрешены, и какие — нет (повидимому, намек на И. Глазунова), и какие книги будут пропущены цензурой. По словам одного стареющего писателя, которого Шиплер цитирует, "национальное движение — единственное массовое движение в стране. Эти люди верят

в то, что государство, Церковь и народ — одно, а это очень опасный миф". (Хотелось бы узнать больше об этом "старейшем писателе". Но, кажется, можно смело утверждать, что он, по крайней мере, не сионист. Ведь кажется именно в Израиле государство, религию и народ пытаются слить воедино).

Можно только согласиться с утверждением русистов, что "русская история и русские традиции затерялись в пустыне современного безбожного коммунизма". Можно только приветствовать их неприятие коммунистической тоталитарной власти, их указание на "отнюдь не русское происхождение марксизма и коммунизма".

Шиплер передает содержание одной из своих бесед с И. Шафаревичем. Друг Солженицына, математик по образованию, Шафаревич напомнил Шиплеру слова Троицкого: "Будь проклят патриотизм!" И Шафаревич правильно отметил, что последствием этой установки было разрушение памятников, церквей, старинных зданий, напоминавших о русской истории. Улицы переименовывались так, что теперь их названия лишены связи с прошлым. Дети воспитывались на извращенном преподавании истории, где все выдающиеся исторические личности изображались жадными грабителями,

идиотами или сифилитиками. В заключение Шафаревич указал на то, что только принимая во внимание все это, можно понять тот кризис национального сознания, через который прошла Россия.

Шиплер отмечает, что реакция на эту попытку огульного уничтожения была стихийной: интерес к национальному прошлому, к русской культуре, групповые поездки молодежи в старинные монастыри, собрание икон, живой интерес к русской философии конца 19-го и начала 20-го века, попытки охраны старинных построек от сноса и усилия сохранить рукописи умерших священников для потомства.

РУСИСТЫ И ЛЖЕРУСИСТЫ

Одновременно все это сопряжено с нравственными исканиями. Леонид Бородин, которого Шиплер представляет как "ученика Солженицына", говорит, что иногда начинается с охраны памятников, но что он знает достаточно людей, которые в течение последних десяти лет прогрессировали от охраны памятников к религиозному мировоззрению. И — добавляет Шиплер — Бородин говорит это в качестве человека, прошедшего шесть лет за колючей проволокой за религиозную деятельность. Теперь он снова находится в лагере. Бородин прав, определяя нашу историю как "органически православную"; он считает русский народ в основном крестьянским народом. И всегда этот класс — самый многочисленный — считался высоко стоящим в нравственном отношении. Революция, уничтожив правящий класс, ударила и по крестьянству. И Бородин уточняет: "Корни нашего национального самосознания в христианстве: человек и земля. Человек на земле".

Тут вспоминается Достоевский. Есть у него в "Дневнике Писателя" (за июль-август 1876 года) отрывок, озаглавленный "Земля и дети". Из множества мыслей выбираю следующие: "Настоящие... дети людей должны родиться на земле, а не на мостовой... В земле, в почве, есть что-то сакральное... русский человек с самого начала и никогда не мог и представить себя без земли". И, наконец, "уж когда свободы без земли не хотел принять (это о народе), значит, земля у него прежде всего в основании всего, земля — все, а уж из земли у него и все остальное, то есть, и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок, и Церковь — одним словом, все и что есть драгоценного". Чрезвычайно важно, что Бородин пытался указать на разницу между советским и русским патриотизмом. Советский патриотизм он определяет точнее как социальный патриотизм.

В дальнейшем Шиплер возвращается снова к теме, затронутой раньше мимоходом. Он утверждает, что движение русистов-охранителей приобретает политический подтекст. По его мнению в литературе и в театре движение проявляет себя с консервативной стороны и, таким образом, становится полезным власти в смысле подавления авангарда. Так, например, когда Гоголя или Чехова ставят как едкую сатиру на современное общество, "Правда" осуждает эти постановки как попытку извращения русских классиков, как их порчу. Тут Шиплер ссылается на случай с Юрием Любимовым, которого громили в официальной печати за смелую постановку спектакля по мотивам "Шинели", "Мертвых душ" и т. д. По его сведениям, постановка Люби-

**ЗАВЕТЫ
ПРЕДКОВ**

УМИРАЙ ЗА ДОМ БОГОРОДИЦЫ!

СУВОРОВ

мовым оперы Чайковского "Пиковая дама" была отменена министерством культуры. Тут, мне кажется, происходит подмена понятий: "консерваторы" из русистов не имеют ничего общего с устарелыми псевдо-охранительными устремлениями официальных идеологов. Это похоже на повсеместное обвинение правых на Западе во всех смертных грехах, причем в правых (распычатое понятие в наше время) ходят фашисты, военные диктаторы или вообще все неугодные либералам элементы.

Подобное досадное смешение понятий продолжается и в дальнейшем. Шиплер повествует о выступлении пресловутого Ивана Шевцова (по Шиплеру — антисемита и сталиниста), читавшего главу из своего нового произведения. В этой главе речь идет о встрече Сталина с неким маршалом, которому Сталин преподносит букет белых роз, символизирующий Россию. На пальцах Сталина маршал замечает кровь (не думай, наивный читатель, что эта кровь бесчисленных жертв генералиссимуса!); маршал понимает, что Сталин сам срывает цветы. Маршал плачет и слезы его смешиваются с кровью Сталина на лепестках белых роз... Подобная гниль, увы, совершенно в духе незадачливого Шевцова. В передаче Шиплера, Шевцов затем закрыл книгу и заговорил о том, что всюду сидят евреи — в правительстве и вообще всюду. И этому не приходится удивляться: Шевцов вульгарный юдофоб и бездарь, и неудивительно, что его "творения" не находят отклика ни в читательской массе, ни у издателей (2). Скорее удивляет Шиплер, который начинает следующий абзац словами: "Как быстро русизм переходит в антисемитизм". Этот переход он подкрепляет ссылкой на выступление уже упоминавшегося П. Палиевского с призывом "охранять русских классиков". Но что тут антисемитского? Шиплер и сам говорит, что по существу ничего антисемитского в замечаниях Палиевского не было. Правда, на этом собрании А. Эфрос получил записку, предлагавшую ему "организовать собственный театр и там калечить русских классиков сколько его душе угодно". Кто-то также критически отозвался о Шолом Алейхеме. Но позвольте, при чем же здесь русисты?

Дальше все валится Шиплером в одну кучу: памфлеты "Русского освободительного движения", в которых утверждается, что сионисты контролируют Политбюро, подкидывают письмо за подписью "Василий Рязанов" утверждающее, что в ЦК существует "влиятельная сионистская группировка". Комментируя эти явления, Шиплер пишет: "Так как все средства размножения находятся под строгим контролем и недоступны частным лицам, возника-

(2) Чтоб показать, почему Шевцов совершенно не приемлем для русистов, приведу отрывок из его прославленного произведения "Во имя отца и сына": "Если говорить по существу, то дозором духа советского народа и армии в годы войны была наша партия. Именно она зажигала в людях священный огонь патриотизма".

ПЕЧАТЬ

МНИМАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

В сборнике статей одного из самых противных представителей лагеря ультра-левых диссидентов в эмиграции, В. Белоцерковского "Из портативного ГУЛага российской эмиграции" (Мюнхен, 1983), — на издание хлама, увы, деньги в Зарубежии всегда находятся! — есть все, что полагается: облаивание Солженицына, брань против русских националистов (особенно достается А. Удодову за статьи в "Часовом"). Но мы остановимся лишь на одном аспекте.

Он задает вопрос, несет ли русский народ ответственность за деяния большевиков, вроде захвата Прибалтики или выселение крымских татар; и злится, когда объясняют, что нет (и что сам наш народ — первая жертва большевизма). Тогда — негодует он — и немцы могут увилывать от наказания за национал-социализм!

Попробуем ему ответить, становясь на миг на точку зрения убежденного и ожесточенного противника гитлеризма, не лишеного все же чувства здравого смысла и ощущения справедливости. Подлежат ли преследованию те немцы, которые с самого начала прихода Гитлера ко власти ему сопротивлялись, бежали от него за границу, и там продолжали бороться, словом и делом? Думается, даже и фанатик антифашизма согласится, что нет.

Но значит и мы, российские эмигранты, первого или второго призыва, бойцы Белой или Власовской Армии, безусловно, за большевиков не отвечаем. Мы, — по крайней мере, монархисты среди нас, — принимаем на себя ответственность только за царское время; когда, понятно, тоже могли иметь место отдельные ошибки или несправедливости, которые мы не отказываемся обсуждать; но когда существовала подлинная национальная Россия.

Что до тех, кто вольно или невольно остался на родине по сей час, то и из них по настоящему должны отвечать лишь те, кто в действиях большевиков активно и добровольно участвовал. Преследуемые, — погибшие и уцелевшие, — суть жертвы, а не палачи.

Разграничение национального и политического гонения в СССР есть искусственное. Русская элита подверглась разгрому, как и таковая меньших народностей (и даже раньше их по времени). Что люди умирали в муках, в концлагерях и в чекистских подвалах, не за то, что они русские, а за то, что дворяне, священники, кулаки или бывшие офицеры, от того им легче не делалось. Впрочем, те же обвинения предъявлялись, чаще всего и любимым нацменам. За несогласие с большевицкой идеологией всех нас преследовали опять-таки наравне; и глупо вносить между нас раскол. Что взгляды бывают разные, — правительные и разумные, или нелепые и возмутительные (вот как у г-на Белоцерковского) — иной вопрос.

Наша интеллигенция была в массе истреблена; или унижена и принуждена молчать, даже лгать. Религия наша была взята под запрет. Прошлое — опозорено и загашено. Это ли — не национальное преследование? А что позже большевики пытались (и пытаются) использовать в своих гнусных целях великие тени наших предков, то стоит ли радоваться? Если им менее удобно, или просто менее важно пользоваться именами прославленных героев национальных меньшинств, то не следовало ли бы нам скорее этим последним в данном случае завидовать? А, впрочем, пожалуй, все-таки нет: союз большевиков с памятью святого Александра Невского или Петра Великого для большевизма же и опасен: упоминание о них пробуждает в массах, и особенно у молодежи мысли, способные повернуться против режима; и даже неизбежно в конце концов поворачивающиеся!

В. Р.

ет подозрение, что и памфлеты, и письмо были размножены лицами с официальными связями". Но, во-первых, кое что размножается и не официально, несмотря на весь контроль и Шиплер не может об этом не знать. В свое время мне показывали маленький нелегальный сборник одного поэта, размноженный способом электросъемки (Хероx), и совсем не с благословения "официальных" лиц. Во-вторых, по Шиплеру получается, что подобные "разоблачения" власти размножаются с ведома той же власти, в чем можно усомниться. В-третьих, почему же во всем этом обвиняются русисты?

Между прочим, Шиплер упоминает о том, что во время суда над Щаранским, он заметил в толпе друзей и диссидентов-единомышленников последнего, "крайнего русиста и антисемита, писавшего под псевдонимом Малюта Скуратов". Это не совсем точно: был такой Анатолий Иванов-Скуратов, но Малютой он, кажется, себя не называл. На недоумение Шиплера, он ответил: "Мы поддерживаем эмиграционное движение и считаем, что все евреи должны покинуть Россию".

Шиплер считает, что русисты — противники "плюрализма". В доказательство он приводит слова Бородин (которого он находит менее "фанатичным", чем многих других) в том смысле, что при теперешнем состоянии умов и уровне самосознания свобода обернулась бы сведением счетов (тут можно вспомнить отличную повесть Юлия Даниэля-Аржака "Говорит Москва"). Бородин прав, когда утверждает, что если дать свободу, за которую ратует, например, Сахаров, он-то и будет первым, кто

погибнет под ножом гильотины, потому что "либералы всегда первые попадают под нож". Золотые слова! Как жаль, что западные либералы, вероятно, не обратят на них внимания. Вот уже кто действительно только тем и занимается, что рубит сук на котором сидит!

В заключение Шиплер высказывает мысль, что русские вообще любят сильную власть и боятся хаоса, предпочитая устойчивый порядок анархии. О, где вы, современные Бакунины и Кропоткины, чтоб доказать ему противное? Тоже, вероятно, погибли под ножом гильотины. Шиплер приводит свой разговор с В. Турчиным, который тоже высказался за эволюцию, за постепенную демократизацию. При этом Турчин совершенно верно отметил, что в России не существует демократических традиций и развитие подобных идей всячески пресекается.

При осведомленности и проницательности Шиплера (доказательство — его точные, убедительные и меткие наблюдения) поражает полная беспомощность выводов. Ему не раз пытались втолковать разницу между "русским" и "советским" патриотизмом, или шире — между Россией и Совдепией, а он ее так и не уловил. Иван Шевцов у него выдвигается на ампула глашатая русского национального самосознания. Но ведь сам Шиплер упомянул тот факт, что и Бородин, и Иванов-Скуратов упряты за колючую проволоку, а Шевцов благоденствует на свободе. Кажется, можно было бы понять, что патриотизм первых двух — настоящий русский патриотизм — пришелся не ко двору правящей клике; Шевцова же никто сажать не будет.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ПРИЗЫВ К ОБЩЕЙ МОЛИТВЕ ЗА РОССИЮ

Современные события во всем мире, и прежде всего угасание веры и захват власти в России и других странах коммунистами, являют безнадежную картину нашей эпохи.

Остается только одна надежда: на милость Божью. Если, конечно, не наступает время Антихриста, о котором нас учит Церковь, и которое за грехи наши будет допущено Богом.

Русский народ, и главным образом его интеллигенция, нарушил данное ему послушание — хранить чистоту православия и защищать Церковь Христову. За это мы и были наказаны. Для своего прощения мы должны каяться и молиться.

Несколько лет тому назад с помощью моих друзей мне удалось устроить радиопередачу в СССР призывая к русским людям к покаянию и молитве. Эту передачу делало одно лицо во Франции. Но когда он вернулся мне ленту то я обнаружил, что он выпустил из текста указанное мною время молитвы. Когда я ему об этом сообщил, то он мне ответил, что он молитву не связывает с техникой. Он забыл, что все церковные службы совершаются в определенное время.

В своем обращении, я указывал молиться всем в одно время: в 6 часов утра по московскому времени.

Я в этом указании исходил из того, что общая молитва должна быть более сильной, и, кроме того, психологически должна воздействовать на ревность всех молящихся: не отстать от других в участии в общем деле спасения.

Вот я и решил разослать эту молитву во все русские газеты в надежде, что кто-нибудь сможет организовать эту передачу. Вот она:

Отец наш небесный!

Именем Господа нашего Иисуса Христа и матери Его, Пресвятой Девы Марии и всех святых Твоих, молим Тя, услыши нас грешных молящихся Тебе. Прости грехи наши и грехи отцов наших.

Спаси землю русскую — удел Богоматери и русский народ от всех врагов его, и укрепи Церковь Твою и веру православную.

Святый Боже! Святый крепкий! Святый безсмертный помилуй нас! (Три раза.)

Я думаю, что такая передача может служить духовному объединению верующих, вызвать милость Божью и способствовать организованному выступлению против богоборческой власти.

Илларион Ланской

МЕРЗОСТЬ ПЛЮРАЛИЗМА

Шиплер как бы солидаризируется с теми диссидентами, которые предпочитают коммунистическую власть русскому правительству. Тем хуже для демократических диссидентов. Надо только надеяться, что советская власть не преминет на деле доказать им свою "предпочтительность". Но, вероятно, горбатого могила исправит. Однако даже по Шиплеру оказывается, что в контексте современной России эти диссиденты, в сущности, *quantite negligeable*. Увы, они сильны за границей, где они кормят Запад всяческой дезинформацией. Хорошо было бы организовать "Лигу по защите от диффамации русских патриотов" (и здесь и там). Где те времена, когда мы молились если не на, то за диссидентов! И как же они нас разочаровали по выезду! Те, кто выехал, занимаются (платно или бесплатно) борьбой не с коммунизмом, а с русским духом, с Россией. Увы, это прямые потомки тех самых наших доморожденных дореволюционных либералов, которые много сделали в деле расшатывания и разрушения старого строя. Это те же наши плюралисты, которых так блестяще и уничтожающе разгромил Солженицын (см. "Наша Страна", от 18 сентября 1983 года, № 1730). Одним из родоначальников, или по крайней мере, вдохновителем и образцом для этих плюралистических диссидентов, без сомнения, является Мао. Да, тот самый, автор чудодейственной красной книжечки, который в свое время провозгласил: "Пусть цветут сто разных цветов!", а потом... потом срубил чуть не сто миллионов голов, как раз за плюрализм. Наши плюралисты, приди они — не к ночи будь помянуто! — к власти, вероятно, ограничились бы сотней тысяч голов, ну, на худой конец, миллионом, а остальных упрятали бы в лагерь из тех же благородных побуждений, что и Мао, и как и он, прикрываясь тем же фиговым листочком плюрализма.

Никакое нормальное государство не руководствуется принципом плюрализма в ответственные моменты своего существования, и президент Рейган послал морскую пехоту на остров Гренаду не по совету плюралистов местной формации, а по единоличному решению. Однако можно себе представить как он, вероятно, завидует андроповым, которым не нужно отчитываться в отправке 100-тысячной армии в Афганистан и не нужно отбиваться от назойливых журналистов, которые, в сущности, хотят, чтобы правительство не только ставило их в известность о готовящихся секретных операциях, но и слушало их советы. Все эти плюралисты очень стоворчивы, пока вы с ними соглашаетесь, но горе вам, если вы осмелитесь "свое суждение иметь", идущее в разрез с их мнением.

О "братском единении" русистов с режимом прекрасно сказал Солженицын в уже упомянутом труде: "Сближение — через каналы. "Брата" Огурцова догноили 15 лет до конца и посадили умирать в лесоповальную глушь. И второй восьмеркой, до тех же 15 лет, догнаивают "брата" Осипова. И посадили на второй срок "брата" Бородина. Не как врагов-плюралистов, не как тех свободомыслящих журналистов отпускали на Запад..."

Но вернемся к Шиплеру. В его изложении есть и утешительные стороны: "потенциальная власть православия", "единственное массовое движение — русизм", идет возрождение русского патриотизма. Да, сейчас плохо. Да, Андропов закручивает

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Языковые Уродства АМБАССАДОР

В специальном номере "Русской Жизни" от 8 октября, посвященном отношениям между императорской Россией и Соединенными Штатами (каковые отношения тут изображаются в самом розовом свете), с некоторым удивлением читаем: "Американский государственный деятель... Майрон Геррик, бывший... американским амбассадором во Франции..." Почему же *амбассадором*, а не просто "послом"? У нас так, если вообще и говорили, то разве что в петровскую эпоху.

Слово же, само по себе, имеет весьма любопытную историю. Французское *Ambassadeur* произведено от *ambassade* "посольство", которое через итальянское *ambasciata* и провансальское *ambassada*, в свою очередь, восходит к средневековой латыни, где выглядело как *ambactia*. В латынь оно попало из какого-то германского языка, как свидетельствует остготское *andbahts*. Оно же продолжает жить в современном немецком слове *Amt* "служба", "должность".

Однако, германцы этот термин не сами выдумали, а заимствовали у кельтов. Галльское *ambactos* означало "слуга", "раб", и применялось к невольнику, который ходит туда и сюда, по распоряжениям своего господина.

Аркадий Рахманов

Доклад на тему "Монастыри на русской земле", который должен был состояться 4 декабря с. г. в зале Св. Сергиевской епархиальной школы, отменяется по случаю скорбного траура в связи со смертью приснопамятного Владыки Архиепископа Афанасия. О новой дате будет объявлено.

гайки, а все-таки процесс возрождения ему не остановить. Руки коротки. Это внутренний, глубинный процесс, с ним можно бороться только противопоставлением более сильных и привлекательных идей. А где они на пустыре марксизма-ленинизма и у обанкротившегося коммунизма?

Если Богу угодно — Россия возродится. И надо ей быть сильной, потому что тот самый Запад, который терпел, и укреплял коммунизм, скопом навалится на свободную, национальную Россию. По какой причине? По приверженности и плюрализму, тогда как новая сильная Россия, надо надеяться, изживет это явление. И хотя не будет ГУЛагов, ни вторжений в мирные соседние страны, ни "братской" помощи социалистическим странам — Запад не снесет гакую Россию. Потому что она будет ему укором, она будет поводом для вдумчивых людей задавать вопрос: а, значит, можно и так? И недолго просуществует такая Россия, если будет слабой. Но это уже из Апокалипсиса. А пока — возрадуемся о растущем числе наших единомышленников на родине и будем молиться и бороться за то, чтоб наш светлый Китеж вновь вынырнул из мерзких плюралистических вод современных интернационалистов и богоборцев.

ЛЮДМИЛА КЕЛЕР